

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Рябцева Е. С. Академик Байер о Руси и России : образный язык в научных и поэтических текстах / Е. С. Рябцева, С. О. Горяев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 161—180. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-161-180.

Ryabtseva, E. S., Goryaev, S. O. (2025). Academician Bayer on Rus' and Russia: Figurative Language in Scholarly and Poetic Texts. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 161-180. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-161-180. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Академик Байер о Руси и России: образный язык в научных и поэтических текстах

Рябцева Екатерина Сергеевна¹

orcid.org/0000-0002-7029-4919

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
для иностранных учащихся
ekaterinakogan@yandex.ru

Горяев Сергей Олегович^{1,2}

orcid.org/0000-0002-1684-0384

кандидат филологических наук, доцент,
корреспондирующий автор
gorajev@yandex.ru

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

² Миссионерский институт
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-28-01692 «Народы
Восточной Европы и начальная история
Древней Руси в научном наследии
Готлиба Зигфрида Байера»,
<https://www.rscf.ru/project/23-28-01692/>

Academician Bayer on Rus' and Russia: Figurative Language in Scholarly and Poetic Texts

Ekaterina S. Ryabtseva¹

orcid.org/0000-0002-7029-4919

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian
for Foreign Students
ekaterinakogan@yandex.ru

Sergey O. Goryaev^{1,2}

orcid.org/0000-0002-1684-0384

PhD in Philology, associate professor,
corresponding author
gorajev@yandex.ru

¹ Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

² Missionary Institute
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 23-28-01692
“The Peoples of Eastern Europe and
the Early History of Ancient Rus in the scientific
heritage of Gottlieb Siegfried Bayer”,
<https://www.rscf.ru/project/23-28-01692/>

© Рябцева Е. С., Горяев С. О., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование идиостиля Академика Императорской академии наук Г. З. Байера (1694—1738), писавшего свои научные труды на латинском языке. Рассматриваются вопросы научного стиля XVIII века, отличавшегося от современного академического русского языка и позволявшего автору строить изящную, риторически эффективную и художественно выразительную фразу. Источниками выступили научная статья Г. З. Байера «*De Russorum prima expeditione Constantinopolitana*», а также его поэтическое произведение «*Ad Petrum Secundum Augustum imperatorem totius Russiae et autocratora patrem Patria, cum insigna Imperii sanctissimis caeremoniis Moscae capesseret*». Язык произведений Г. З. Байера о России исследуется в двух аспектах: во-первых, показано, как элементы художественной речи проявляются в научном языке; во-вторых, рассматривается собственно художественное, поэтическое творчество академика на примере фрагмента оды, посвященной императору Петру II. Установлено, что метафоры в научном тексте образуют образные ряды и основываются на внутренней форме слова, в поэтическом же тексте они приобретают развернутый характер и поднимаются до уровня аллегории. Показано, что идиостиль Г. З. Байера характеризуется точным учетом исторического и текстуального окружения, которое проявляется в выборе слова с определенной внутренней формой.

Ключевые слова:

Готтлиб Зигфрид Байер; латинский язык; классическая латинская поэзия; метафора; ода; Императорская академия наук.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the individual style of Academician Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738) of the Imperial Academy of Sciences, who composed his scholarly works in Latin. The investigation focuses on the features of the 18th-century scientific style, which differed significantly from modern academic Russian and allowed authors to construct rhetorically effective, elegant, and artistically expressive prose. The primary sources for this analysis are Bayer's scholarly article “*De Russorum prima expeditione Constantinopolitana*” and his poetic work “*Ad Petrum Secundum Augustum imperatorem totius Russiae et autocratora patrem Patria, cum insigna Imperii sanctissimis caeremoniis Moscae capesseret*”. Bayer's language in his writings on Russia is explored in two key aspects: first, the paper demonstrates how elements of literary speech manifest in his scientific language; second, it analyzes the academician's explicitly artistic, poetic output through an examination of a fragment from an ode dedicated to Emperor Peter II. The findings indicate that metaphors in Bayer's scholarly text form coherent figurative patterns and are grounded in the inner form of words, whereas in his poetic text, they become extended and elevate to the level of allegory. The study concludes that a defining characteristic of Bayer's individual style is his precise consideration of historical and textual context, which is reflected in his deliberate choice of words with a specific inner form.

Key words:

Gottlieb Siegfried Bayer; Latin language; Classical Latin poetry; metaphor; ode; Imperial Academy of Sciences.

УДК: 811.124'02+821.124+94(47).01/.02

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-161-180

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.6.1. Отечественная история

Академик Байер о Руси и России: образный язык в научных и поэтических текстах

© Рябцева Е. С., Горяев С. О., 2025

1. Введение = Introduction

Данная статья посвящена изучению идиостиля научных текстов Готлиба Зигфрида Байера. Этот ученый был одним из первых профессоров Петербургской академии наук — напомним, что в то время официального звания академика еще не существовало, поэтому член академии носил титул профессора. Основными сферами его научных интересов были античность и востоковедение. Получив классическое филологическое образование, он посвятил ряд работ изучению народов, упоминавшихся в античных источниках, а также овладел рядом восточных языков (включая китайский и санскрит). Однако занимаемая должность академика в именно русской академии наук провоцировала его углубление еще в одну область — область российской истории (общий обзор тематики работ Г. З. Байера можно найти в [Фролов, 2006, с. 70—74; Иодко, 2019]).

При этом считается, что русского языка академик Байер не знал. Мы воздержимся от столь категоричного утверждения. Академик Байер владел — кроме основных современных ему европейских языков — классическим латинским (он был его основным «рабочим» языком, на котором исследователь создавал свои научные и, как мы покажем ниже, художественные произведения); древнегреческим языком (причем, судя по письму, которое мы цитируем ниже, его греческий не ограничивался гимназическим классическим языком, но позволял свободно работать и с византийскими текстами); профессионально знал восточные языки. Характерно его замечание в письме Феофану Прокоповичу 1735 года, обратившемуся к нему по поводу некоего грека, притязавшего на древность и благородность своего рода: *Est in me pertenuis quidem copia Graeci sermonis, eaque, dum inter Sinas et Arabas et Persas ceterosque barbaros a multis annis versor, multo quam dudum tenuior* // Есть у меня некий скудный запасец знаний греческого языка, и тот, пока я вращаюсь много лет среди китайских, арабских, пер-

сидских и прочих варварских дел, давно уж более чем весьма мал [СПбФ АРАН, ф. 784, оп. 2, д. 5, л. 93]. Письмо показывает, что академик свободно знает несколько восточных языков, его же самоумаление перед церковным иерархом мы рассматриваем как форму вежливости и своеобразную черту эпистолярного стиля того времени. Можно с уверенностью предположить, что человек, столь открытый к изучению языков, в определенной степени освоил и русский, окружающий его в повседневной жизни. Однако справедливо замечание его современника и коллеги академика Г. Ф. Миллера: «Чтобы успешно работать в области русской истории, ему недоставало только знания русского языка, а его возраст и [большое количество] других обязанностей мешали ему выучиться по-русски» [Миллер, 2006, с. 513]. Таким образом, невладение в достаточной степени русским языком обусловило специфику направления работ академика Байера в «русской тематике»: сосредоточение на анализе греко-римских источников, в которых отразилась история славян, что позволило ему вести научную дискуссию, исходя из сильной для себя позиции знатока языков классических.

Научные труды — подобно многим другим своим современникам — Г. З. Байер писал на латинском языке (переводя при этом также и свое имя, и подписывая работы *Теофил Зигфрид Байер*). И в соответствии с традицией научной риторики своего времени стиль его научных трудов отличается «яркой экспрессивностью и индивидуальной окраской» (см.: [Боровский, 1991]), а также испытывает на себе влияние занятий поэзией, тоже являющееся нормой эпохи (достаточно вспомнить младшего современника и научного оппонента Г. З. Байера — М. В. Ломоносова, творчество которого явило собой образец сочетания научного гения и поэтического дара).

Восприятие свидетельств древних авторов носит у академика ярко выраженный критический характер, особенно «достается» от него византийским историкам. Так, в самом начале статьи «О первом походе русских на Константинополь» он образно пишет: «Russi scriptores cum famam tenerent, nacti duces Graecos parum illis temporibus idoneus, sic fluctuant, ut sublevandi nobis videantur / Русские историки, хватаясь за всякие слухи, невольно наталкиваются на мало подходящих для тех времен греческих провожатых, и так заблуждаются, что, очевидно, нуждаются в нашей помощи» [Bayer, 1738, с. 365] (здесь и далее перевод наш, кроме отмеченных отдельно случаев).

Признается, что Г. З. Байер являлся сторонником или — возможно — основателем так называемой норманской теории. Как отмечает М. А. Алпатов, «Байер оказался “правофланговым” в длинной шеренге норманистов, с него загорелся весь “сыр-бор”» [Алпатов, 1985, с. 16—17]. Из такого взгляда на русскую историю иногда делается идеологически обусловленный вывод: «политический смысл норманской теории заключался в том,

чтобы представить Древнюю Русь отсталой страной, неспособной к самостоятельному государственному творчеству» [Сахаров, 1974, с. 131]. Впрочем, негативное отношение к норманской теории и вообще к «немецкому засилью» в русской истории встречалось и задолго до двадцатого века. В частности, Н. П. Загоскин утверждал, что немецкая школа (к которой он относил Г. З. Байера, Г.-Ф. Миллера и А.-Л. Щлецера) «надолго затормозила самобытное национальное развитие отечественной истории» [Загоскин, 1899, с. 25]. Ерохина Т. В. замечает, что «представители консервативного крыла интеллектуального сообщества видели лишь негативный след немцев в исторической науке» [Ерохина, 2011, с. 130]. Однако вероятно, что в данном случае следует учитывать другую парадигму общественного и научного мышления: так, например, М. И. Вторушин предлагает обратить внимание, что во времена Г. З. Байера «дебаты о роли варягов в истории Руси проходили под несомненным идейным влиянием европейских просветителей» [Вторушин, 2023, с. 161], и рассматривать норманскую теорию «с позиции позитивного влияния теории общественного договора на общее развитие отечественной историографии и на восприятие специфики места России в системе народов Европы» [Там же].

Таким образом, следует предположить, что академик Байер не ставил своей задачей показать русских как отсталый народ, неспособный к самостоятельному образованию государственности. Более того, его поэтическая и научная деятельность направлены на возвеличивание достоинства российских государей. Не случайно, например, его статья «О варягах» была в русском переводе включена В. Н. Татищевым в «Историю Российскую» [Татищев, 1769]. Особенно показательна в этом плане другая статья Г. З. Байера «Origines Russicae / О происхождении русских». Эта оставшаяся без перевода статья оказалась незавершенной, затем после смерти автора была опубликована опубликованной, и до настоящего времени она испытывает «некое забвение» [Соколов, 2024, с. 169] среди ученых, что странно, поскольку именно в ней академик выражает намерение доказать, что «Augustam Russiae domum ultra Ruricum Skioldungis inferi et genealogiam probabilem produci usque ad Christum natum / августейший русский дом не только может быть отнесен, далее Рюрика, к Скьёльдунгам, но его генеалогию можно возвести ко времени Рождества Христова» [Bayet, 1741, с. 410—411].

Являясь прежде всего добросовестным ученым, причем ученым на службе государства, Г. З. Байер обращается к изучению истории России в самом объективном, а отнюдь не в дискредитирующем аспекте.

Отметим и другой аспект трудов академика Байера, который, по нашему мнению, также требует углубленного исследования. Сам Г. З. Байер

крайне интересен как языковая личность. В частности, для его текстов характерно глубокое погружение не только в историческую прозу, но и в «сопутствующую» изучаемой эпохе поэтическую традицию. Нам уже случалось обратить внимание на научные произведения Г. З. Байера в аспекте способов, средств и задач включения в научное рассуждения поэтической цитаты [Горяев и др., 2024]. В настоящей статье мы отходим от случаев прямого помещения поэтического текста в научный, вызванного логикой высказывания, а не необходимостью представить рассматриваемый материал, и обсуждаем особенности использования поэтических языковых приемов в самой ткани повествования, что допускается особенностями латинской научной речи.

Что же касается собственно поэтического творчества Г. З. Байера, оно, в параллель с его научными работами по истории России, было во многом вызвано обязанностями академика именно Императорской академии наук. Академик Байер, как и многие образованные люди европейской культуры XVIII—XIX веков, владел стихосложением; умение в то время писать стихи было частью образования. И для Байера поэзия не была призванием, но свое отточенное риторическое мастерство он обратил и в поэтическую форму. Его стихотворения, написанные по торжественным поводам и произнесенные им на академических собраниях, представляют собой своего рода «актовую речь» в стихах. В частности, укажем его оду, написанную по случаю коронации Петра II. Академик Миллер в своих мемуарах замечает: «В заключение торжественного собрания господин Байер прочел стихотворение по-латыни, в героическом размере воспевавшее новокоронованного императора. К этому стихотворению Байер приобщил оду размером Горация, будто бы спетую нимфами невских берегов» [Миллер 2006, с. 577]. Интересно также отметить замечание Миллера, о том, что при дальнейшем издании своих стихотворений «Байер добавил к ним еще лист немецких стихов, которые, впрочем, по красоте не шли ни в какое сравнение с латинскими» [Там же], что дополнительно подчеркивает приоритет именно латинского языка для языковой личности Г. З. Байера. Конечно же, написание стихотворений, в частности оды, которая воспевает первое лицо империи, можно считать некоторым проявлением подобоострастия, впрочем, положенного в данном случае как по должности, так и по обязанности торжественного выступления. Для европейского и русского XVIII века такая роль поэзии не является чем-то выходящим из общего ряда. Скорее, можно говорить о том, что ода Байера вписывается в традицию «придворной словесности» — термин предложен в монографии [Осват, 2020]; отметим также, что автор монографии подробно говорит о связи Академии наук в русском книгопечатании, в частности о «нраву-

чительном книгоиздании», «в котором не последнее место принадлежало компендиумам практической морали, формировавшим облик подданных в соответствии с потребностями послепетровской государственности» [Там же, с. 47]. Академик Байер тщательно заботился об издании своей оды, которое осуществил [Bayer, 1728, в дальнейшем цитируется по СПбФ АРАН, РVI, оп. 1, д. 683/о.15], хотя с некоторым чувством досады писал Ф. Прокоповичу: «Оду, которую я написал от имени Академии, полагаю, ты прочитал. Есть в ней нечто — или от сильнейшей спешки и домашних забот, ибо требовали внимания моего как дочери, все это время тяжело болеющие, так и жена на сносях (которая родила мне крепкого и здорового сыночка), или от допущенной типографами небрежности, — иначе расположенное, чем я хотел» [СПбФ АРАН, ф. 784, оп. 2, д. 8, л. 114—115 об.]. Конечно же, написание и издание этого произведения вызвано соображениями, вытекающими как из должностных обязанностей, так и из «политической» необходимости поддерживать статус Академии и себя в ней, участвовать в выражении официальной, как бы мы назвали сейчас, «идеологической позиции». Однако мы полагаем, что одним из мотивов написания текста было общее ощущение исторического процесса, в частности, воплощающегося в России: «Он думал, как и его современники, что государство может быть создано деятельностью одного человека, а значимые исторические изменения происходили вследствие смены исторических персонажей» [Свердлов, 2011, с. 398]. Уделяя внимание древней истории государства, Г. З. Байер отразил в оде этот же самый исторический процесс, который творился на его глазах.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Мы рассматриваем ниже два текста Г. З. Байера. Первый — прозаический текст «De Russorum prima expeditione Constantinopolitana» / «О первом походе русских на Константинополь» [Bayer, 1738], второй — поэтическое произведение «Ad Petrum Secundum Augustum imperatorem totius Russiae et autocratora patrem Patria, cum insigna Imperii sanctissimis caeremoniis Moscvae capesseret» / «Петру II Августу императору всея России и самодержцу — отцу отечества, в день святейшей церемонии принятия знаков императорского достоинства» [Bayer, 1728].

Базу для анализа особенностей научного стиля Г. З. Байера составили прежде всего работы, посвященные исследованию научного стиля XVIII века. Как отмечают А. Д. Комышкова и А. П. Судакова, в то время язык науки формируется, «опираясь на европейские образцы латинских научных текстов, с одной стороны, и богатую книжную традицию русского литературного языка старшей поры, с другой» [Комышкова, 2018, с. 56]. Описывая

научный идиостиль М. В. Ломоносова, они отмечают «мягкость оценок» [Там же, с. 60], присущую этому автору, — однако Г. З. Байер отличается прямо противоположным свойством. И то, и другое вписывается в общую идею научного языка эпохи, для которой свойственно ярко выраженное присутствие автора в тексте [Там же, с. 57]. Н. Ю. Игнатова и С. В. Докучаев характеризуют научную риторику указанного периода следующим образом: «Научный текст в то время не столь отличался от художественных, поэтических или религиозных текстов, как в настоящее время, и это обеспечивало отдельным ученым свободу творчества» [Игнатова, 2020, с. 57].

Другую составляющую теоретического базиса составили работы, посвященные метафорике латинского языка [Мухин, 2022; Соломоновская, 2022], а также использованию метафор в различных текстах XVIII века [Анисимова, 2017; Морозова, 2023]. В частности, анализ речей Петра I и Екатерины II показывает, что риторика означенного периода стремится к тому, чтобы «каждое употребленное слово максимальным образом реализовало заложенные в нем семантические особенности для более полной передачи индивидуальных знаний и представлений о мире» [Анисимова, 2017, с. 13], а основным параметром метафоры является ее предельная антропоцентричность [Там же, с. 14].

Основным методом исследования является интерпретационный, в некоторых случаях мы прибегаем к анализу внутренней формы и поиску этимологического значения. При рассмотрении поэтического фрагмента мы прибегаем к методу комментированного чтения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Г. З. Байер активно использует игру с переносными значениями слов в латинском языке, а также с пересечениями этих значений для создания ярких и эмоционально-окрашенных образов. Следует оговорить, что экспрессивность и ироничность, присущая Г. З. Байеру, как правило, не затрагивает тех фрагментов, которые являются непосредственным научным исследованием вопроса. Приводя цитаты и пересказы первоисточников и анализируя их, Г. З. Байер не позволяет себе яркого проявления эмоций. Однако там, где дело доходит до полемики с современниками или предшественниками, мы встречаемся с оригинальным стилем этого исследователя, для которого характерны языковая игра, апелляция к контексту античной культуры и литературы, язвительность — и, безусловно, высочайшее владение латинским языком, которое и позволяет осуществлять все вышеперечисленное легко и изящно.

Выделим два основных способа использования образных средств в тексте статьи Г. З. Байера «*De Russorum prima expeditione Constantinopolitana*»

(1738): это использование цепочки метафорических образов и выбор слова, обусловленный обыгрыванием его внутренней формы.

3.1. Метафорические образы в научном тексте

В первом же предложении своей работы Байер, вводя читателя в историю вопроса, замечает: *Illustris res est, quam e monumentis tum Russicis tum Graecis exsequar, de Russorum Kioviensium prima expeditione Constantinopolitana, sed maximis eadem involuta difficultatibus* [Bayer, 1738, с. 365] // Вопрос о первом константинопольском походе киевских руссов, который я изложу по памятникам как русским, так и греческим, общеизвестен, но в то же время затемнен серьезнейшими трудностями.

Здесь обращает на себя противопоставление номинаций *illustris* — *involutus*, которые к тому же максимально отдалены автором друг от друга в пространстве высказывания. Если *illustris* связано с идеей света и дает образ изучаемого вопроса как *освещенного* и потому всем известного, то *involutus* этимологически связано с идеей вращения (в исходном глаголе *volvo*) и создает образ «обернутости» и «закутанности» в трудности, что является помехой для «света истины».

Далее, характеризуя степень доверия к работам историографов прошлого, Байер пишет: *Russi scriptores cum famam tenerent, nacti duces Graecos parum illis temporibus idoneos, sic fluctuant, ut sublevandi nobis videantur* [Там же] // Русские историки, хватаясь за всякие слухи, невольно наталкиваются на мало подходящих греческих провожатых по тем временам, и так заблуждаются, что, очевидно, нуждаются в нашей помощи.

Эта фраза содержит метафорические ряды, которые могут быть возвращены в двух направлениях. Первое из них задается фрагментом *cum famam tenerent, nacti duces*: глагол *tenere* имеет значение ‘держаться, удерживаться’, а для *dux* важно учесть его связь с глаголом *ducere* ‘водить, вести’ — при котором мы понимаем *dux* как проводника или поводыря, ведущего слепцов, держащихся за нечто (в данном случае — за слухи). Эта метафора имеет продолжение и во второй части предложения, где про греков говорится, что они *caecutierunt* ‘были словно слепцы’. Таким образом, создается образ слепцов, следующих за слепыми же поводырями, ср.: «Caeci sunt, duces saecorum» (Мф. 15:14).

Однако *dux* — еще и военный вождь, в том числе на море (см. [Реальный словарь...]). И этот образ поддерживается затем использованием глагола *fluctuant* ‘мечутся’, который связан с *fluctus* ‘течение, волнение; морской вал, волна; шаткость, непостоянство’. То есть создается образ метаний по морским волнам вследствие того, что вождь не обладает подходящими навыками. Этот образ перекликается с самой темой статьи — походом руссов на Константинополь, который совершался по морю. И

историки здесь в некоторой степени иронически противопоставлены их «объекту исследований».

Другой образ, рождаемый сочетанием переносных значений, встречается в предложении *Quantum ille Photio insultasset, ut erat acer, si ea in re aduersam tantae gloriationi eius famam tenuisset* [Bayer, 1738, с. 387] // Как сильно он, когда высказывался так остро, уязвил бы Фотия, если бы он со стольким хвастовством в этих делах придерживался опровергающих слухов, чего на самом деле нет.

Здесь последовательно разворачивается метафора сражения, эпического поединка. Эпитет *acer* ‘острый; туго натянутый; резкий’ в первую очередь характеризует оружие и лишь затем служит в языке для обозначения свойств высказывания. *Gloriatio* ‘похвальба’ происходит от обозначения одного из важнейших понятий античного мира — *gloria* ‘слава (в первую очередь, военная), подвиг’ (см.: [Звиричев, 2003]), являясь его этической антитезой. В частности, И. Н. Бузыкина отмечает: «Примеры *gloria* в римской истории — это, прежде всего, победы в войнах, такие, как триумф над Карфагеном» [Бузыкина, 2020, с. 66]. И, наконец, глагол *insultare* ‘скакать, прыгать; издеваться, глумиться, насмехаться’ вписывается в этот ряд, завершая картину глумления над телом поверженного врага — древний обычай, упоминаемый, в частности, у Гомера [Илиада, 22, с. 335—349].

Еще один комплексный метафорический образ представлен в предложении *Hae rationes nos spatio annorum satis angusto includunt, ex quo excedere non possumus* [Bayer, 1738, с. 368] // Эти подсчеты нас заключают в промежутке лет довольно тесном, за пределы которого мы не можем выйти. *Spatium* обладает, в первую очередь, пространственным значением и обозначает, собственно, ‘пространство, протяжение; расстояние; промежуток’. Этот смысл поддерживается глаголом *excedere* ‘выходить’, создавая образ пространственной ограниченности, из которой нет возможности выйти.

Кроме того, Байер, включает в свой текст образ, используемый и в русском языке, — *указывать пальцем*: *Ceterum etiam Nicetas quasi digito nobis demonstrat Guntherum et Theutgaudum episcopos* [Bayer, 1738, с. 385] // Кроме того, Никита также словно пальцем нам показывает на епископов Гунтера и Теотгауда, когда так утверждает.

Безусловно, мы легко понимаем этот образ. Однако не будем забывать, что Байер не нашел времени, чтобы выучить русский язык, и не будем приписывать ученому знакомство с русской фразеологией. Вероятнее, что в данном случае ему легче было апеллировать к судебной процедуре античного Рима, где этот жест служил легитимизацией представления свидетелей: «The person calling the witnesses has to introduce (stadeln, in faciem statuere) the witnesses to his opponent and in doing so he has to point with his

finger to each individual (digito demonstrare), otherwise the opponent can raise objections» [Conze, 2016, p. 360] // Лицо, вызывающее свидетелей, должно представить (stadeln, in faciem statuere) свидетелей своему оппоненту и при этом указать пальцем на каждого отдельного человека (digito demonstrare), в противном случае оппонент может выдвинуть возражения.

Таким образом, описанный жест не является порицающим указанием, как в русской лингвокультуре, а вписывает анализируемую ситуацию в более широкий, апеллирующий к Римской судебной традиции контекст и указывает на роли упомянутых епископов в этой ситуации.

3.2. Игра с внутренней формой слова

Продолжая критику предшествующих историографов, Байер анализирует датировку Константинопольской экспедиции руссов. Различные авторы связывают ее с разными годами, относящимися к правлению императора Михаила III.

Байер, рассматривая позицию Симеона Магистра, отмечает: *At cum Symeon Magister hisce rebus admiscet et Bardam Caesarem et Photium Patriarcham, qui postea fuerunt, aliud tempus et res et auctor postulant* [Bayer, 1738, с. 367] // И когда Симеон Магистр к этим делам примешивает и цезаря Варду, и патриарха Фотия, которые после того были, — и время, и дела, и автор требуют иного.

В этом предложении Байер для обозначения «действий» автора использует достаточно язвительный глагол *admiscere*. Для выражения идеи «добавления» можно было бы обратиться к достаточно нейтральному глаголу типа *addere*, однако связь выбранного слова с *miscere* ‘мешать, смешивать; переворачивать’ помогает сразу указать на ошибочный характер такого присоединения и экспрессивно охарактеризовать его как «примешивание», «припутывание», «приплетение».

Другой образ «запутанности» Байер использует, характеризуя позицию Никиты Пафлагона: *Nostrae opinioni aduersari videtur Nicetas Paphlago in vita Ignatii Patriarchae, cui scriptori, ut coaeuo plus tribuere cupiam, quam ceteris omnibus, nisi ipse sese impediret* [Bayer, 1738, с. 368] // Кажется, что нашему мнению противоречит Никита Пафлагон в «Жизни патриарха Игнатия», которому как современнику <событий> я более, чем всем прочим, желал бы отдать должное, если бы он сам не запутался.

Глагол *impedire* в своей внутренней форме связан с *pes* ‘нога’ и буквально может быть переведен как «обезножить». То есть здесь используется образ спутанных ног, невозможности идти — в прямом или переносном смысле.

Также в данном предложении обращает на себя внимание выбор глагола *tribuere*. Как отмечает «Краткая латинская синонимика», употребле-

ние этого глагола — по сравнению с синонимичными — отличается двумя идеями: *tribuere* означает 1. отдавать определенную часть; 2. отдавать согласно справедливости и благоразумию [Краткая латинская синонимика ..., 122]. Таким образом, используя именно этот глагол, Байер подчеркивает, что уважение, испытываемое им по отношению к Никите Пафлагону, не является чистой эмоцией, а основано на взвешенных разумных и объективных основаниях и что существуют и другие авторы, тоже заслуживающие почтения, и Никита Пафлагон не является единственным, кому отдается дань уважения.

Обращаясь к гипотезе о том, что русские упоминаются в письме патриарха Фотия об епископах, Байер стремится прояснить вопросы, как следует читать встречающееся в тексте сочетание — *τορῶσ* или же *το-Ρῶσ* — и стоит ли признавать это упоминанием русских. Рассматривая мнение епископа Монтакуция о том, что *Ρῶσ* следует относить, скорее, к болгарам, нежели к русским, Байер соглашается с ним, однако не отказывает себе в ехидном замечании: *Subiecit quidem aliquid etiam ex Ioanne Curopalata de Rossis, sed vt nihil vsquam toto in sermone eius cohaereat* [Bayer, 1738, с. 384] // Притом он даже привел кое-что из Иоанна Куропалаты о русских, но так, что во всем его высказывании не было нигде ничего связного.

Здесь обращают на себя внимание два слова, поставленные — по всей видимости, умышленно — рядом: *sermone* и *cohaereat*. *Sermo* ‘разговор; высказывание’ восходит к глаголу *serere* ‘сплестать, соединять, связывать’, но *cohaerere* также обладает этой идеей — ‘быть связанным / связным’. Таким образом, помещая два этих слова рядом, Байер создает оксюморонный образ «бессвязной связности».

В этом же фрагменте Байер изящно подбирает глагол, основываясь на созвучии контекстного окружения: *De isto quidem non opus est vt dicam: hic cum in MS. Bodleiano esset scriptum τορῶσ, varie sese torsit* [Bayer, 1738, с. 384] // Об этом, впрочем, не дело чтобы я и говорил: при этом, когда в Бодлианском манускрипте было написано *τορῶσ*, это по-разному извращалось.

Здесь выбор глагола *torsit* (от *torquere* ‘поворачивать, заворачивать; искажать, извращать’) обусловлен, как видится, стоящим рядом *τορῶσ*. Более того, завершающая часть этого предложения в целом представляет собой ритмизованную структуру с элементами звуковых повторов [s], [t] и [r]: *esset scriptum τορῶσ, varie sese torsit*. Можно предположить, что такие ритмизованные высказывания используются Байером как риторический прием и возникают, вероятно, под воздействием его увлечения стихосложением. Позволим себе употребить в данном случае множественное число, поскольку, как минимум, еще одно завершение предложения в данной статье (протитированного выше) также обладает скрытой ритмичностью:

At cum Symeon Magister hisce rebus admiscet et Bardam Caesarem et Photium Patriarcham, qui postea fuerunt, aliud tempus et res et auctor postulant.

Интерес представляет и выбор слова в предложении *Postquam hos scopulos superaui, veritatem rei magis sequar, quam auctorum meorum verba* [Bayer, 1738, с. 374] // После того как я покорил эти горные вершины, я буду более следовать делу истины, чем словам моих авторов.

Для обозначения вершины в латинском языке имеется достаточное количество слов, например: *acumen*, *apex*, *sacumen*, *summitas* и, в конце концов, просто *mons*. Все эти слова являются латинскими по происхождению. Однако Байер предпочитает использовать слово *scopulus*, являющееся гречизмом. И это показательно, если принять во внимание, что предыдущий текст его был направлен на анализ работ греческих авторов. Выбор гречизма среди прочих вариантов вписывается в ближайший контекст и на языковом уровне подчеркивает отношение Байера именно к греческим источникам как «вершинам», которые, испытывая трудности, он все же одолевает.

3.3. Риторические приемы и реминисценции в поэтическом тексте

Даже в прозаической речи в работах Г. З. Байера «просвечивает» образность и метафоричность, что придает речи риторическую глубину и художественную выразительность. В его «Оде Петру II» образный язык достигает пышной витиеватости, и метафорическое прочтение текста становится основным, предпочтительным для интерпретации. Текст насыщен аллюзиями и скрытыми цитатами, однако прежде всего аллюзии включают произведение, которое строится на их применении, в общую поэтическую традицию, но не имеют задачей создать отсылку к конкретному произведению, к заложенным в него смыслам. К тому же в «придворной словесности» важна прежде всего блестящая, отточенная внешняя форма и, скорее, общий просветительский пафос, чем развитие идей или полемика с тем или иным конкретным автором.

Учитывая «сжатость» поэтического текста, его образную насыщенность по сравнению с прозаическим, ограничим наш обзор несколькими строками. Рассмотрим фрагмент из той части текста, которая посвящена «текущему положению дел» — состоянию России на момент восхождения на престол императора Петра II.

Quid vero imperii tanto de robore dicam?

Quid validas dicam classes, Mauortis alumnus

Duratas bellis acies, extentaque regna

Tractibus immensis? [Bayer, 1728, л. 11].

В приблизительном переводе фрагмент звучит так: «Что мне сказать о столь великой мощи империи? Что мне сказать о могучих отрядах, питомцах Марса, о закаленном в войнах войске и о царской власти, простира-

ющейся в неизмеримых пределах». Рассмотрим механизмы создания возвышенного пафоса в этом фрагменте более детально.

Фрагмент начинается с классической фигуры — риторического вопроса: *Quid vero imperii tanto de robore dicam?* Торжественный порядок слов проявляется в постановке предлога внутри словосочетания *tanto de robore* и вынесения несогласованного определения *imperii* перед ним (буквально было бы *империи столько о мощи*). Слово *robore* использовано в переносном значении: исходное значение *robur* — ‘дуб’ [Glare, 1968, p. 1658], далее слово развивает еще несколько подобных значений (‘часть дуба’, ‘древесина дуба’, ‘любое твердое дерево’), затем, путем метафорического переноса по признаку твердости, крепости, получает значение ‘сила’ по отношению к физической силе человека и, наконец ‘военная сила, мощь’, которое и актуализировано в оде.

В следующей строке — *Quid validas dicam classes, Mauortis alumnos* — словосочетание также подано в риторическом порядке слов, определение *validas* вынесено перед *classes* и помещено дистантно по отношению к нему, что образует гипербатон. Эта риторическая фигура традиционна и важна в классической поэзии — «для поэта использование подобных фигур оставалось и важным свидетельством его мастерства» [Смышляева, 2001, с. 54]. Слово *classes* употреблено автором оды в несколько архаичном смысле: его первое значение — собственно ‘класс’, и в классическом латинском языке оно гораздо чаще употребляется в значении ‘флот’, но Байер архаизирует текст, употребляя его в значении ‘войско, армия’ (словарь отмечает это значение пометой *арх.* [Дворецкий, 1996, с. 149]). Русские войска в соответствии с поэтической традицией метафорически названы *питомцами Марса*, что подчеркивает обращение автора к классической римской мифологии, ставшей образцом и своего рода общим местом в европейской литературной традиции. Употребление имени божества в форме *Mavortis* — родительного падежа от *Mavors* — также обусловлено выбором архаического варианта имени (см. словарное указание *арх.* в [Дворецкий, 1996, с. 475]); кстати, далее, Байер использует тот же образ, но уже ставит имя *Mars* в более поздней форме и говорит о шведах как о *Martia proles*. Интересно, что для латинского *alumnos* русский язык позволяет подобрать метафорически и этимологически точный синоним *питомец*, поскольку латинское слово восходит к корню, представленному в глаголе *alo* «кормить, вскармливать, питать» [Дворецкий, 1996, с. 49], при этом в самом слове подчеркивается мужественность, маскулинность, поскольку оно относится именно к сыновьям, воспитанникам мужского пола [Glare, 1968, p. 111]. *Mavortis alumni* является устойчивым поэтическим эпитетом, который, в частности, отмечает Иоанн Раввизий Текстор [Textor, 1524, p. 260].

Несомненно, этот эпитет, как, впрочем, и всю систему исторических образов, Г. З. Байер перенимал из существующей поэтической традиции, однако адаптировал ее к текущим обстоятельствам.

В следующей строке развивается образное описание военных отрядов, питомцев Марса, которые *duratas bellis acies*, — что вновь образует гипербатон. Отметим, что значение слова *acies* также является результатом развития в переносном метафорическом смысле: первое, прямое значение лексемы «острие, лезвие», далее — «боевой порядок», и только затем «войско, армия» [Дворецкий, 1996, с. 21]. При этом выражение *bellis durata* «войнами закаленные» также достаточно употребительно, например, оно приводится в иллюстративном материале латино-французского «Поэтического словаря» [Quicherat, 1836, p. 479].

Конечно же, Г. З. Байер не является самостоятельным поэтом, скорее он версифицирует, создает новые поэтические строки, обращаясь к гигантскому багажу знаний латинской литературы, опираясь на свою начитанность в классической поэзии. В этом плане показательным, что строка *Duratas bellis acies, extentaque regna* включает две такие же и в том же порядке следующие лексемы (выделены нами жирным шрифтом), которые находятся в «Фиваиде» Публия Папиния Стация, эпической поэме на мифический сюжет о фиванской войне. Поэму открывает строка: *Fraternas acies alternaque regna profanis* (рус. перевод «Братоубийственный бой, и власти черед, оскверненный...») [Стаций, 1991, с. 5]. И хотя смысл фразы у Г. З. Байера совершенно иной, но сама получившаяся перекличка показывает, что он, не подражая конкретному поэту, пополняет собственный поэтический задел («запасец», как мог бы он сказать по аналогии с обращением к Феофану Прокоповичу) из знания классической поэтической традиции и из широкой образованности филолога-классика, каким он являлся в начале своей научной карьеры.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, использование Г. З. Байером образных средств в научном дискурсе позволяет выразить оценку рассматриваемых источников, а также подчеркнуть смысловые нюансы анализируемых ситуаций или авторской позиции.

Метафоры в его тексте могут выстраиваться в образный ряд, создающий объемную картину, причем иногда эта картина может трактоваться несколько различным образом, что создает многомерность образа и нюансов оценки.

Для идиостиля Г. З. Байера характерен точный учет окружения — как исторического, так и текстуального, — обуславливающий выбор слова с определенной внутренней формой. Эта внутренняя форма слова либо

вступает в переключку с окружением слов в предложении, либо начинает проявлять культурно-исторический контекст. Некоторые используемые им метафорические значения слов и выражений требуют существенных знаний в области античной культуры, чтобы было возможно раскрыть все заложенные автором подтексты позиции и оценки (вероятно, таким комплексом знаний обладал среднестатистический образованный человек того времени — и потому прочтение этих подтекстов не составляло труда для читателя, современного Байеру).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — 4-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1996. — 846 с. — ISBN 5-200-02365-3.
2. *Краткая латинская синонимика*, изложенная по Дёдерлейну Яковом Ильенковым [Электронный ресурс]. — Санкт Петербург, 1845. — Режим доступа : https://books.google.ru/books?id=4_706GNsuWIC&pg=PA122&dq=tribuere&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&ved=2ahUKEwj3i7PatoGKAxUHSFUIHQarABwQ6AF6BAGEEAI#v=onepage&q=impedire&f=false (дата обращения 21.08.2025).
3. *Реальный словарь* классических древностей по Любкеру [Электронный ресурс]. — Санкт Петербург : Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. — Режим доступа : <https://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=427348920> (дата обращения 21.08.2025).
4. *Сахаров А. М.* Норманская теория / А. М. Сахаров // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. — Москва : Сов. энциклопедия, 1974. — Т. 18. — С. 131.
5. СПБФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архива Российской академии наук. Ф. 784. Оп. 2. Д. 5. Л. 93—94 об. ; Ф. 784. Оп. 2. Д. 8. Л. 114—115 об. ; РВИ. Оп. 1. Д. 683/О.15.
6. *Стаций*. Фиваида / пер. Ю. А. Шичалина, ред. М. Л. Гаспарова. — Москва : Наука, 1991. — 352 с.
7. *Bayer T. S.* De Russorum prima exptditione Constantinopolitana / T. S. Bayer // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. — 1738. — Tomus VI. — Pp. 365—391.
8. *Bayer G. S.* Ad Petrum Secundum Augustum imperatorem totius Russiae et autocratora patrem Patria, cum insigna Imperii sanctissimis caeremoniis Moscuae capesseret, Academia Petropolitana / G. S. Bayer. — Petropoli : ex typographia Academiae, 1728. — 24 с.
9. *Glare P. G. W.* Oxford Latin Dictionary / P. G. W. Glare. — Oxford : Clarendon Press, 1968. — 2126 pp.
10. *Quicherat L.-M.* Tesauro poeticus linguae Latinae ou Dictionnaire prosodique et poétique de la langue Latine / L.-M. Quicherat. — Paris : [b. i.], 1836. — 1338 p.

Литература

1. *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.) / М. А. Алпатов. — Москва : Наука, 1985. — 271 с.
2. *Анисимова И. Н.* Метафора как ключевой элемент лингвокогнитивного уровня языковой личности политического деятеля XVIII века / И. Н. Анисимова, А. Ю. Никитина, О. А. Петрова // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции ; под ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Д. А. Мартыанова, Г. А. Николаева. — Казань : Издательство Казанского ун-та, 2017. — С. 13—16. — ISBN 978-5-00019-878-0.
3. *Боровский Я. М.* Латинский язык как международный язык науки (к истории во-проса) / Я. М. Боровский // Проблемы международного вспомогательного языка. — Москва : [б. и.], 1991. — С. 70—76.
4. *Бузыкина И. Н.* Римские добродетели в христианском контексте (по трактату св. Августина «О Граде Божиим») / И. Н. Бузыкина // Концепт : философия, религия, куль-тура. — 2020. — № 4 (3). — С. 62—75. — DOI: 10.24833/2541-8831-2020-3-15-62-75.
5. *Вторушин М. И.* Варяжский вопрос в свете концепции общественного договора / М. И. Вторушин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2023. — Т. 68. — Выпуск 1. — С. 159—175. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.109>.
6. *Горяев С. О.* Готлиб Зигфрид Байер и классическая латинская поэзия в научной полемике о начальной истории древней Руси / С. О. Горяев, Е. С. Рябцева // Научный диалог. — 2024. — № 13 (7). — С. 28—48. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-28-48>.
7. *Ерохина Т. В.* Немецкие историки-академики XVIII века в русской науке : оценки с позиций дореволюционной историографии / Т. В. Ерохина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 9 (224). — С. 129—136.
8. *Загоскин Н. П.* История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права / Н. П. Загоскин. — Казань : Типо-лит. Имп. унт-та, 1899. — Т. 1. — 512 с.
9. *Звиревич В. Т.* Римский образ жизни и его ценности в представлении Цицерона / В. Т. Звиревич // Исседон — ΙΣΣΕΔΩΝ : Альманах по древней истории и культуре. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2003. — Т. 2. — С. 111—123.
10. *Игнатова Н. Ю.* Научные практики и языки описания в России XVIII века (на примере любительских занятий В. Н. Татищева) / Н. Ю. Игнатова, С. В. Докучаев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. — Серия : Гуманитар-ные и социальные науки. — 2020. — № 4. — С. 56—65. — DOI: 10.37482/2227-6564-V034.
11. *Иодко О. В.* Петербургский след Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера (1694—1738) / О. В. Иодко // Немцы в Санкт-Петербурге : Биографический аспект. XVIII—XX вв. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2019. — Выпуск 12. — 524 с.
12. *Комышкова А. Д.* Субъективная модальность научного текста XVIII века : к во-просу о формировании специфики научного стиля русского языка / А. Д. Комышкова, А. П. Судакова // Экология языка и коммуникативная практика. — 2018. — № 2. — С. 55—61. — DOI: 10.17516/2311-3499-016.
13. *Миллер Г. Ф.* Избранные труды / Г. Ф. Миллер. — Москва : Янус-К ; Московские учебники и картолитографии, 2006. — 816 с. — ISBN 5-8037-0327-3.
14. *Морозова С. А.* Метафора и сравнение как средство аргументации (на мате-риале немецких сводов правил поведения XVIII века / С. А. Морозова // Russian

Linguistic Bulletin. — 2023. — № 2 (28). — С. 89—95. — DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.38.16_

15. Мухин С. В. Фразеологическая репрезентация образа «ловушки» в Веспасиановой псалтири / С. В. Мухин, С. В. Иноземцева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — Выпуск 2 (857). — С. 103—109. — DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_103

16. Соломоновская А. Л. Метафорическая концептуализация перевода и переводчика в пара- и метатекстах: «мертвые» и «живые» метафоры / А. Л. Соломоновская // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — Т. 20. — № 2. — С. 126—139. — DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-126-139.

17. Основат К. А. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века / К. А. Основат. — Москва: Новое Литературное Обозрение, 2020. — 477 с. — ISBN 9785444814055.

18. Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России / М. Б. Свердлов. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. — 916 с. — ISBN 9-785-98187-866-4.

19. Смышляева В. П. Линейная организация языка римской элегии (Ритмический, грамматический и синтаксический аспекты поэтического порядка слов): диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.14 / В. П. Смышляева. — Москва, 2001. — 364 с.

20. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 5 т. / В. Н. Татищев. — Москва: Издательство Императорского Московского университета, 1769. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 393—424.

21. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: историографические очерки / Э. Д. Фролов. — Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2006. — 604 с. — ISBN 5-93762-051-8.

22. Conze E. The Principle of Contradiction. On the Theory of Dialectical Materialism [Electronic resource] / E. Conze; Translated by Holger R. Heine. — Lanham: Lexington Books, 2016. — Access mode: https://books.google.ru/books?id=XQT1DAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Conze,+E.+The+Principle+of+Contradiction&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=Conze%2C%20E.%20The%20Principle%20of%20Contradiction&f=false (accessed 24.08.2025).

Статья поступила в редакцию 02.11.2024,
одобрена после рецензирования 03.12.2024,
подготовлена к публикации 09.10.2025.

Material resources

Bayer, G. S. (1728). *Ad Petrum Secundum Augustum imperatorem totius Russiae et autocratorum patrem Patria, cum insigna Imperii sanctissimis caeremoniis Moscuae capesseret, Academia Petropolitana*. Petropoli: ex typographia Academiae. 24 p. (In Latin.).

Bayer, T. S. (1738). *De Russorum prima exptdione Constantinopolitana. Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, VI*: 365—391. (In Latin.).

Brief Latin synonymy, outlined by Dederlein Yakov Ilyenkov. (1845). St. Petersburg. Available at: https://books.google.ru/books?id=4_706GNsuWIC&pg=PA122&dq=tribuere&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&ved=2ahUKEwj3i7PatoGKAxUHSFUIHQarABwQ6AF6BAGEEAI#v=onepage&q=impedire&f=false (accessed 21.08.2025). (In Russ.).

- Dvoretzky, I. H. (1996). *Latin-Russian dictionary. 4th ed., stereotype*. Moscow: Russian Language. 846 p. ISBN 5-200-02365-3. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (ed.). (1991). *Stations. Fivaida*. Moscow: Nauka Publ. 352 p. (In Russ.).
- Glare, P. G. W. (1968). *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press. 2126 pp.
- Quicherat, L.-M. (1836). *Tesaurus poeticus linguae Latinae ou Dictionnaire prosodique et poétique de la langue Latine*. Paris: [b. i.]. 1338 p. (In Frenc.).
- Sakharov, A. M. (1974). Norman theory. In: *The Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes, 18*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 131. (In Russ.).
- SPbF ARAN — *St. Petersburg branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Archive of the Russian Academy of Sciences*. (In Russ.).
- The real dictionary of classical antiquities by Lubker*. (1885). St. Petersburg: Publication of the Society of Classical Philology and Pedagogy. Available at: <https://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=427348920> (accessed 21.08.2025). (In Russ.).

References

- Alpatov, M. A. (1985). *Russian historical thought and Western Europe (XVIII — the first half of the XIX century)*. Moscow: Nauka Publ. 271 p. (In Russ.).
- Anisimova, I. N., Nikitina, A. Y., Petrova, O. A. (2017). Metaphor as a key element of the linguistic and cognitive level of the linguistic personality of a politician of the XVIII century. In: *I. A. Baudouin de Courtenay and world linguistics. Proceedings and materials of the International Conference*. Kazan: Kazan University Publishing House. 13—16. ISBN 978-5-00019-878-0. (In Russ.).
- Borovsky, Ya. M. (1991). Latin as the international language of science (on the history of the issue). In: *Problems of the international auxiliary language*. Moscow: [b. i.]. 70—76. (In Russ.).
- Buzykina, I. N. (2020). Roman virtues in the Christian context (based on St. Augustine's treatise "On the City of God"). *Concept: philosophy, religion, culture*, 4 (3): 62—75. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-3-15-62-75. (In Russ.).
- Conze, E. (2016). *The Principle of Contradiction. On the Theory of Dialectical Materialism*. Lanham: Lexington Books. Available at: https://books.google.ru/books?id=XQT1DAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Conze,+E.+The+Principle+of+Contradiction&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=Conze%2C%20E.%20The%20Principle%20of%20Contradiction&f=false (accessed 24.08.2025).
- Erokhina, T. V. (2011). German academic historians of the XVIII century in Russian science: assessments from the standpoint of pre-revolutionary historiography. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 9 (224): 129—136. (In Russ.).
- Frolov, E. D. (2006). *Russian science of antiquity: historiographical essays*. Saint Petersburg: Academy of Humanities. 604 p. ISBN 5-93762-051-8. (In Russ.).
- Goryaev, S. O., Ryabtseva, E. S. (2024). Gottlieb Siegfried Bayer and Classical Latin Poetry in Scholarly Debate on Early History of Ancient Rus. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 28—48. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-28-48>. (In Russ.).
- Ignatova, N. Y., Dokuchaev, S. V. (2020). Scientific practices and descriptive languages in Russia of the XVIII century (on the example of V. N. Tatishchev's amateur studies). *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 4: 56—65. DOI: 10.37482/2227-6564-V034. (In Russ.).
- Iodko, O. V. (2019). The Petersburg trace of Gottlieb (Theophilus) Siegfried Bayer (1694—1738). In: *Germans in St. Petersburg: A biographical aspect. XVIII—XX centuries, 12*. St. Petersburg: MAE RAS. 524 p. (In Russ.).

- Komyshkova, A. D., Sudakova, A. P. (2018). Subjective modality of the scientific text of the XVIII century: on the formation of the specifics of the scientific style of the Russian language. *Ecology of language and communicative practice*, 2: 55—61. DOI: 10.17516/2311-3499-016. (In Russ.).
- Miller, G. F. (2006). *Selected works*. Moscow: Janus-K.; Moscow Textbooks and Cartolithography. 816 p. ISBN 5-8037-0327-3. (In Russ.).
- Morozova, S. A. (2023). Metaphor and comparison as a means of argumentation (based on the German codes of conduct of the XVIII century. *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (28): 89—95. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.38.16>. (In Russ.).
- Mukhin, S. V., Inozemtseva, S. V. (2022). Phraseological representation of the “trap” image in the Vespasian psalter. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2 (857): 103—109. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_103. (In Russ.).
- Ospovat, K. A. (2020). *Court literature: the Institute of literature and the construction of absolutism in Russia in the middle of the XVIII century*. Moscow: New Literary Review. 477 p. ISBN 9785444814055. (In Russ.).
- Smyshlyaeva, V. P. (2001). *Linear organization of the language of Roman elegy (Rhythmic, grammatical and syntactic aspects of poetic word order)*. Doct. Diss. Moscow. 364 p. (In Russ.).
- Solomonovskaya, A. L. (2022). Metaphorical conceptualization of translation and translator in para- and metatexts: “dead” and “living” metaphors. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 20 (2): 126—139. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-2-126-139. (In Russ.).
- Sverdlov, M. B. (2011). *M. V. Lomonosov and the formation of historical science in Russia*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 916 p. ISBN 9-785-98187-866-4. (In Russ.).
- Tatishchev, V. N. (1769). *Russian history from the most ancient times: in 5 volumes*, 1 (2). Moscow: Publishing House of the Imperial Moscow University. 393—424. (In Russ.).
- Vtorushin, M. I. (2023). The Varangian question in the light of the concept of a social contract. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 68 (1): 159—175. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.109>. (In Russ.).
- Zagoskin, N. P. (1899). *The history of the law of the Russian people. Lectures and research on the history of Russian law*, 1. Kazan: Tipo-lit. Imp. unt-ta. 512 p. (In Russ.).
- Zvirevich, V. T. (2003). The Roman way of life and its values in the view of Cicero. In: *Isseodon — ΙΣΣΕΔΩΝ: An almanac on ancient history and culture*, 2. Yekaterinburg: Ural State University Publishing House. 111—123. (In Russ.).

*The article was submitted 02.11.2024;
approved after reviewing 03.12.2024;
accepted for publication 09.10.2025.*